

О ПЕДАГОГИКЕ

Новаковская Ю.В.

Химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Педагогику обычно определяют как науку о воспитании и обучении (образовании) человека, хотя в значительной степени это не наука, а искусство (умение) воспитывать и обучать в полном соответствии с оригинальным древнегреческим термином *παιδαγωγική*, в котором *ἄγω* означает «вести», а *παῖς* – «дитя». Это умение вести за собой ребенка или молодого человека, не только обучая его основам различных наук, но и прививая базовые принципы морали и этики, в отсутствие которых человек неполноценен, а общество в целом нежизнеспособно.

В животном мире поведением отдельных особей управляют инстинкты, в основе которых – выживание вида в любых условиях. Главное – это спасти и вырастить потомство и защитить семью или стаю от внешних врагов. Человек в процессе своей эволюции утратил эти базовые инстинкты. Его действия направляются работой мозга, сводящейся к более или менее рациональному анализу ситуации на основании той системы ценностей, которую в него вложили в детстве и которую он сам сформировал в молодые и зрелые годы. Однако важно отметить, что основа все-таки заложена воспитанием в детстве и юности. Недаром Козьма Прутков замечал, что многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.

Слишком велика роль воспитания ребенка и в самом начале, когда он лишь подражает взрослым, и тогда, когда он постепенно учится анализировать доступную информацию и делать собственные выводы.

Педагог начальных классов закладывает основы поведения человека, его отношения к окружающим, к процессу обучения. В средних и старших классах ребенка учат думать и анализировать, расширяя кругозор и спектр конкретных знаний. В высшей школе молодой человек приобретает не только обширные специальные знания, но и умение критически оценивать существующие теории и модели и модифицировать их или создавать новые. При этом на последнем этапе весьма важную роль играет базовое воспитание, полученное в начальной и средней школе, ибо морально-нравственные принципы не менее, а, может быть, и более важны в науке, чем в повседневной жизни. Более того, никакие технические новинки не могут заменить общения с педагогом и воспитателем. Точнее, могут, но в итоге мы получаем весьма уродливых индивидуумов, которые не понимают, что такое живое существо и живая природа и каким должно быть поведение в обществе себе подобных и отношение к природе. И все это мы уже достаточно давно и в полной мере наблюдаем.

Современный человек, будучи окружен всевозможными технологическими новинками, перестал чувствовать связь с природой: у него исчезла издавна существовавшая тяга к постижению окружающего мира посредством наблюдения и размышления. Современному индивидууму кажется, что все это излишне, ясно и понятно. Есть более интересные и затягивающие, как наркотик, занятия, такие как «игра» с умными устройствами вроде мобильных коммуникаторов последних поколений, планшетами, компьютерами и т.д. Это именно игра в смысле ухода от реальности даже в том случае, когда человек не погружен непосредственно в какие-то игровые приложения. Самое печальное, что эта игра приводит к общей деградации человека.

Каким же должен быть процесс обучения в школе; какими знаниями и навыками должны обладать учителя? Стоит ли нам бездумно использовать новые методы и технологии, применяемые в других странах, стоит ли переходить на повсеместное и неограниченное использование различных современных продуктов, таких как электронные книги и т. п.? Попробуем ответить на эти вопросы.

Выдающийся русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский говорил: «Есть одна только общая для всех прирожденная склонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа». Недаром при попытках понять, в чем причины и корни тех или иных противоречий между народами, населяющими соседние территории, противоречий, часто приводящих (при отсутствии разумной политики) к конфликтам, вплоть до вооруженного противостояния, чаще всего называют различие в менталитете соответствующих групп населения. Это различие определяется как генетикой, так и существующей из поколения в поколение системой ценностей, особенностями быта, словом тем, что именуется культурно-историческим наследием. Всё это в совокупности формирует отношение человека к окружающему миру, способ восприятия этого мира и взаимодействия с ним. Даже характер мышления человека и восприятие им чужих мыслей и идей оказывается различным в зависимости от ментальных особенностей его народа. Так, одни более рациональны, а другие более эмоциональны; одни более наивны и доверчивы, другие более хитры и изворотливы, одни открыты, другие скрытны и т.д. Каждая из этих черт, возведенная в абсолют, делает человека уродливым. В нормальном индивидууме все эти особенности присутствуют, но в разных пропорциях, что и порождает порой радикальные различия в восприятии и поведении. В одних и тех же

словах или поступках один сторонний наблюдатель может усмотреть признаки инфантилизма, а другой воспримет как прямоту. То, что одному кажется чрезмерной черствостью или даже жестокостью, другой (в силу особенностей, например, религиозного воспитания и выработанного многими поколениями предков отношения к жизни) воспримет как совершенно нормальное поведение. И эти «бытовые» различия безусловно накладывают свой отпечаток на восприимчивость ребенка к тем или иным методам обучения и воспитания. Конечно, современный мир постепенно «универсализирует» индивидуумов, но врожденные склонности никуда не исчезают. Они лишь маскируются или частично подавляются, что, однако, не способствует формированию полноценных и разносторонних личностей. Скорее наоборот, такое подавление тормозит начальное развитие индивидуума, а в отдельных случаях может привести и к появлению психических расстройств от постоянного диссонанса между внутренними потребностями индивидуума и довлеющими внешними факторами. Кроме того, реакция ребенка на одни и те же действия или слова взрослого может быть до драматизма различной. Так, нечаянно оброненная фраза может быть воспринята совершенно спокойно и нейтрально одним ребенком, а другому нанесет серьезную травму. И появившаяся затаенная внутренняя обида или ощущение своей ущербности впоследствии могут перерасти в комплекс неполноценности либо обернутся острым желанием отомстить, причем не обязательно только данному конкретному взрослому, но, весьма многим, кто будет напоминать чем-то обидчика или будет в чем-то превосходить обиженного. Это превосходство будет, тем не менее, ощущаться на подсознательном уровне. Не надо забывать и о том, что методы воздействия на разных детей, имеющих не только различные наследственные данные, но и выросших в разных условиях, должны радикально различаться. И стимулировать изучение того или иного предмета или вынуждать следовать определенным нормам поведения можно и нужно по-разному. Все эти особенности сплетаются в очень

сложный психологический клубок, который становится еще запутаннее не только из-за того, что зачастую в одном классе оказываются дети, очень сильно различающиеся по способностям и мировосприятию, но и из-за возникновения массы технических новинок, неизбежно оказывающих воздействие на человеческую психику. Противостоять этому воздействию и взрослому-то человеку бывает нелегко, а еще не сформировавшейся психике ребенка они могут нанести непоправимый вред.

Вот в таких условиях приходится работать учителям. И какой же должна быть их подготовка, чтобы они не калечили психику детей, не отвращали их от учения, а, наоборот, увлекали в это очень интересное дело (именно дело, а не игру) – познание себя и мира вокруг? Будущие педагоги должны быть очень хорошо образованными специалистами, эрудированными людьми и психологами. И если образование и эрудиция – это, во многом, результат более или менее (в зависимости от индивидуальных особенностей) кропотливого труда, то знание психологии – это искусство понимать и чувствовать других людей. Очень мало тех, кто от природы является психологом. Но и к ним способность правильно реагировать в любых ситуациях приходит только с годами. Многого познается только на практике, и часто опыт бывает негативным. Поэтому одной из основных задач при подготовке будущих педагогов является очень серьезное обучение азам психологии с большим числом предлагаемых модельных ситуаций, из которых они должны находить правильный выход. Экспресс-курсами, когда большое число занятий укладывается в относительно короткий временной интервал, такую задачу не решишь. Это должно быть постепенное накопление знаний и опыта при постоянной необходимости решать всё новые, более сложные психологические задачи. Полагать, что такие навыки можно приобрести потом, в процессе самостоятельной работы в школе, хуже чем заблуждение. Нельзя ставить эксперименты на детях. Иногда достаточно одной непродуманной фразы или одной неправильной реакции на поступок ребенка, чтобы заронить в его душе зерно обиды,

которое при повторных ошибках взрослых может прорасти в ненависть, отчаяние или что-то иное в зависимости от индивидуальных особенностей; и при отсутствии рядом с ним тех, кто сможет повернуть этот процесс вспять, нейтрализовав негатив. В своем апогее эта ситуация может привести к желанию убить либо других, либо себя самого. И неправильная непродуманная реакция взрослых на какие-то поступки или слова ребенка – не единственная причина формирования у него психических отклонений. У современных детей фактически отняли веру в справедливость, благородство, высшие идеалы. Они не видят вокруг себя ничего, кроме стремления взрослых любыми средствами заработать или получить деньги. Всё в этой жизни определяют именно деньги, а не врожденные способности, трудолюбие или моральные качества человека. Что же им делать в том возрасте, когда увлекают мечты и фантазии, основанные на только что прочитанных романах Роберта Льюиса Стивенсона и Майн Рида, Луи Буссенара и Георга Эберса, Рафаэля Сабатини и Джека Лондона и многих других? Ведь все эти мечты разбиваются при соприкосновении с реальностью. Им нет места в этой жизни. Путь один – уйти от реальной жизни в свой мир. Это может быть мир гóтов или эмо, это могут быть компьютерные игры, это может быть общение в каких-то более или менее закрытых сообществах в компьютерной сети. Но во всех случаях это протест против той жизни, которую им навязывает мир взрослых. Против жизни, в которой они не видят места для себя. Против существования, в котором у них нет будущего. Альтернативой такому пути оказывается другая крайность – превращение еще в детские или юношеские годы в примитивного циника, который, как ему кажется, трезво оценивает жизнь и понимает, что надо делать, чтобы преуспеть. Он полностью перенимает взгляды взрослых, но, будучи восприняты еще не сформировавшейся личностью, они делают ребенка существенно более черствым и невосприимчивым к чужим бедам и проблемам. Они делают его жестоким и расчетливым. Такой индивидуум до некоторых пор будет даже преуспевать в жизни, но

конец его будет не менее трагичен, чем у тех, кто, восстав против беспросветности этой жизни, ушел в свой искусственный мир. И хорошо, если у ребенка есть семья, которая в состоянии создать для него иные условия, показать, что окружающая его реальность это еще не вся жизнь, что многое изменяется в мире и что от него, в том числе, зависит, какими будут эти изменения. Наконец могут показать, что можно жить не так, как живут многие вокруг. Но если родители не способны по каким-то причинам это сделать, остается единственное спасение для детей – школа, учителя, которые просто обязаны показывать ребенку, что есть в этой жизни место и для мечты. Будущее вовсе не полностью определено нынешним положением вещей и его можно изменить, а жизнь – это не бессмысленное существование в окружении не понимающих тебя и не интересующихся твоими проблемами людей. Напротив, жизнь – это нечто значительно более светлое и интересное. В наши дни, когда на уровне государства и правительства чиновники не в состоянии не только предложить действенные меры по спасению и правильному воспитанию и обучению подрастающих поколений, но даже увидеть, что такая проблема существует, это чрезвычайно трудная задача. Решать ее могут только хорошо образованные люди, которые не рассматривают свой труд в школе просто как способ заработать деньги, отсидев положенные часы уроков и позанимавшись репетиторством во внеучебное время. И люди эти должны быть психологами. Автор отдает себе отчет в том, что рисует идеальный вариант выхода из сложившейся труднейшей ситуации. Но если не двигаться в указанном направлении, страна потеряет не одно-два поколения, она потеряет себя.

Итак, учитель должен быть психологом. Но стать им быстро невозможно. Для начала будущему педагогу надо самому перестать быть вчерашним школьником и ощутить свой иной статус. Поэтому начинать обучать основам психологии можно не ранее третьего курса вуза, а давать возможность «экспериментировать на детях» в ходе педагогической практики – еще не ранее через два года. За это время

будущий учитель как раз успеет существенно расширить объем фактических знаний, изучая различные предметы. Замечу, что круг изучаемых предметов ни в коем случае не может быть ограничен будущей специализацией педагога. Если он, например, планирует учить детей математике, он должен знать основы и физики, и химии, и биологии. Он должен быть способен показывать детям, где оказываются нужны решаемые ими уравнения или геометрические построения. Молодой педагог должен обладать возможностью доказать, что одно и то же квадратное уравнение помогает физикам определить характер движения самых разных объектов, а химикам – выяснить, с какой вероятностью происходят определенные химические превращения веществ, и что такие уравнения умели решать еще в древнем Вавилоне. А возведение в степень – это не праздное упражнение, а инструмент правильной оценки не только выплат по кредиту, но и увеличения массы, например, микроорганизмов, размножающихся в подходящей питательной среде. Для того чтобы осветить интересные исторические аспекты или практически важные следствия решаемых задач, нужно совсем немного времени. Но эти пять минут во время урока крайне важны. Они нарушают его однообразное течение. Подросток начинает понимать, сколь интересен мир, насколько много в нем взаимосвязей. Он постепенно сам начнет искать эти связи. Пусть даже в данный момент он не в полной мере осознает то, что ему было сообщено преподавателем. Рано или поздно зерно этой информация даст всходы. Ребенок начнет самостоятельно думать и анализировать. Это и есть главный результат процесса обучения.

Итак, помимо знания основ психологии, будущий педагог должен быть достаточно широко эрудированным человеком, который при этом является хорошим специалистом в своей относительно узкой области, которая, что важно, не должна быть для него просто сферой деятельности – он должен быть искренне увлечен этим предметом. И не важно, популярен ли его предмет в данный исторический момент, рассматривают ли его школьники, основываясь на царящих в

обществе взглядах, как перспективную область собственной специализации в будущем или нет. Как отмечал Томас Манн в «Докторе Фаустусе», «суть не в интересе других, а в собственном интересе, иными словами – в том, чтобы пробуждать интерес, чего можно достичь, более того, нельзя не достичь, если ты сам увлечен предметом; говоря о нем, ты втягиваешь в круг рассуждений и других людей, заражаешь их и таким образом создаешь доселе не бывший, не чайный ими интерес, а это куда достойнее, чем подлаживаться к уже существующему». И добивался такого результата в упомянутом романе органист и преподаватель музыки, страдавший заиканием в тяжелой форме. Но, несмотря на этот его недуг, слушатели «были захвачены тем, что, казалось бы, не могло захватить их, и даже ужасное заикание, в конце концов, воспринимали лишь как интригующие паузы в яростном устремлении его мысли». Но для того, чтобы стать таким лектором или учителем, надо не просто знать школьный предмет и быть увлеченным небезразличным человеком, надо еще иметь глубочайшие и широчайшие познания. Надо быть в состоянии отвечать на вопросы учеников, которые неизбежно выходят за рамки программы. Неспособность дать ответ на какой-то вопрос будет иметь негативные последствия как для самого учителя, так и для тех, кого он учит, потому что дети увидят, что он вовсе не такой «умный», как они думали. Это неизбежно приведет к снижению авторитета педагога, с одной стороны, и интереса к преподаваемому им предмету, с другой. Конечно, особенно в начале профессиональной деятельности, учитель может еще не знать каких-то конкретных вещей, но при этом он должен уметь показать, что заданный вопрос интересен, а для его решения можно почитать специальную литературу, по возможности указав соответствующие источники. Это станет дополнительным стимулом для любознательного ребенка расширить свой кругозор, а учителю позволит сохранить свой статус знающего человека.

Вообще авторитет учителя – один из главных факторов. Обеспечивает его не только наличие знаний, но и возраст. Ребенок

должен чувствовать, что его учитель – это не вчерашний школьник, равный ему, а человек, существенно превосходящий его во всех отношениях. Поэтому возраст учителя тоже играет немаловажную роль. Хорошо, если разница в возрасте учеников и учителя составляет хотя бы лет десять-пятнадцать. И не стоит специалистов, только что получивших диплом учителя, направлять в старшие классы школы. Они должны начинать с пятых-шестых классов, постепенно взрослея вместе со своими учениками. Это время позволит им не только сформироваться как педагогам, но и усовершенствовать стиль и способы представления материала, прежде всего, приобрести навыки более образного рассказа. Приведу еще одну цитату из «Доктора Фаустуса»: поскольку «внутреннее родство языковой культуры и гуманитарных знаний венчается идеей воспитания, призвание педагога как-то само собой вытекает из приверженности классической филологии. Человек, занимающийся естественно-историческими реалиями, может, конечно, быть учителем, но никогда не станет воспитателем в том смысле и в той степени, как любитель изящной словесности». Умение образно и красиво говорить увлекает слушателя, будь он уже взрослым и состоявшимся человеком, или еще пока только ребенком, с интересом впитывающим в себя окружающий мир. При этом в случае общения с ребенком эта способность или умение во сто крат более важны. Неинтересный рассказ о предмете делает в глазах ребенка и сам обсуждаемый предмет неинтересным. И даже если у ребенка были природные задатки для занятий как раз этим предметом, они останутся неразвитыми; а развитие пойдет совсем по другому пути. Есть и еще один аспект. Ребенок не просто слушает то, что ему говорят, он подсознательно подражает взрослым. И то, как с ним говорят, неизбежно отразится в его собственной речи и его собственном поведении. Поэтому умение хорошо говорить, грамотно строя фразы и украшая свою речь образными оборотами – это вовсе не излишество или прихоть учителя. Это необходимо для правильного воспитания детей, формирования их характеров и развития врожденных наклонностей.

Вообще то, как можно преподнести слушателям информацию о каком-либо предмете, очень хорошо иллюстрирует Манн в уже упомянутом произведении. Преподаватель музыки читает серию лекций о Бетховене и его сочинениях, иллюстрируя свои слова исполнением соответствующих фрагментов сочинений на рояле. Слушатели, особенно подростки, не понимают некоторые его ремарки, но услышанные образные сравнения на всю жизнь отпечатываются в их памяти. Они начинают по-иному воспринимать музыкальные композиции, по-иному чувствовать музыку. Впоследствии вся глубина услышанного в юности становится им понятной. Это главное – заронить зерно интереса в душе слушателя, увлечь его. И не страшно, что какие-то детали будут поняты не до конца. Придет время, и общая эрудиция позволит взглянуть на это по-новому. Надо только чтобы благодаря образности речи лектора его слова запомнились слушателю.

Раз уж речь зашла о музыке, не могу не отметить очень существенную деталь. Музыка существует в душе каждого человека. У дикарей это были относительно простые ритмические построения. Постепенно, по мере развития человеческой цивилизации, музыкальные произведения становились все более сложными композициями. В них можно услышать и тихий плеск волн, и грохот бушующего моря; и шелест легкого ветерка в листве, и ураган, сметающий всё на своем пути; в них проступает и нега рассвета, и звенящий зной летнего полдня, и покой заката. В них печаль и радость, сомнения и тревоги, блаженство и отчаяние. Музыка способна передать всю гамму чувств человека и весь спектр красок окружающего мира. И чем более богатыми интеллектуально и эмоционально становились люди, тем более глубокими и многоплановыми становились их музыкальные произведения. Манн использует для этого термин «полифоническая объективность», противопоставляя ее гармонической субъективности. Это богатство музыкальных произведений в наши дни все больше уступает место простым ритмическим композициям. Они, конечно, разнообразнее

предшествовавших им мелодий древних предков, но по сути это тот же весьма ограниченный музыкальный ряд, не способный передать разнообразие окружающего мира и богатство человеческой души. И хотя и в XX веке были композиторы, сочинявшие замечательную музыку, именно примитивные ритмы завоевывают мир, именуясь массовой культурой. Но культура возвышает человека, а современная массовая культура обедняет душу, способствуя не развитию, а деградации человека. Человечество перешагнуло незримый рубеж на пути своего развития: достигнув вершин духовного и душевного совершенствования (пусть и не всех живущих на планете), оно начало обратное движение вниз – ко все более примитивным формам существования. И если человечество не хочет превратиться в сообщество дикарей, воспринимающих только материальные ценности, кои весьма недолговечны и преходящи, оно должно вспомнить мудрость древних: *Ars longa, vita brevis*. Вечны только творения духа человеческого. И те, кто их разрушает, преследуют одну лишь цель: уничтожить человеческую культуру, превратив людей в примитивных полудикарей. Но надежда на то, что эти полудикари могут быть эффективными винтиками в современной технологической машине, напрасна. Эмоциональная и духовная деградация неизбежно влечет за собой деградацию интеллектуальную. Такие люди не только не смогут изобрести что-то новое, но, в конце концов, не смогут даже использовать ранее созданное. Поэтому задача педагога – сохранять культуру и прививать детям любовь к классической музыке: ее понимание – важная составляющая процесса обучения и воспитания. Эта музыка должна звучать не только во время соответствующих уроков, которые ни в коем случае не должны быть сведены к вокальному исполнению незамысловатых произведений. Эта музыка вполне может сопровождать детей и на других уроках. В ее атмосфере они могут писать сочинения или контрольные работы. В результате они не только узнают, что музыкальные произведения – это не то, чем заполнен стандартный теле- или радиоэфир, они начнут понимать и чувствовать настоящую

музыку. И мозг их, настроенный на новую волну, начнет работать иначе. Перечитав сказанное, я понимаю, что меня можно обвинить в утопизме и уходе от реальности. Какая музыка в век скоростей, компьютерных сетей и тонких технологий? Именно так. Скорости и технологии – не более чем внешнее дополнение к внутренней жизни человека. Полноценной же эту жизнь делает только культура, музыкальная составляющая которой абсолютно необходима для формирования духовно полноценного индивидуума.

Раз уж возникли в этом тексте современные технологии и компьютерные сети, стоит сказать несколько слов и об их роли в обучении и воспитании подрастающего поколения. Да, различные электронные устройства удобны, в них можно хранить и легко находить огромные объемы информации, но... Эти же устройства, как правило, содержат массу игр, некоторые из которых можно назвать интеллектуальными (как, например, шахматы или головоломки), но подавляющее большинство – забава, в которой победить, набрав наибольшее количество очков, можно, развив мгновенную реакцию пальцев и неплохой глазомер. Последнее в принципе тоже может до некоторой степени служить общему развитию. Но лишь в ограниченных объемах. В большом же количестве такие игры приводят к оупению индивидуума, т.е. действуют в направлении, прямо противоположном тому, в котором надо идти, имея целью духовное и интеллектуальное совершенствование. Но есть и другая, даже бóльшая, опасность, о которой большинство не задумывается. Используя одинаковые или очень похожие электронные устройства для игр и в процессе учебы, ребенок или подросток неосознанно начинает воспринимать все подобные устройства исключительно как игровые. И когда возникает необходимость использовать устройство для изучения очередного параграфа учебника или поиска какой-то информации, он подсознательно рассматривает это тоже как своего рода игру. Но учение – это не игра. Это серьезная работа. Еще Ушинский совершенно справедливо считал, что «ученье есть труд и должно оставаться трудом, полным мысли», что «воспитание должно

развивать в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни», что «преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы». Это не значит, что ребенок должен работать на пределе своих возможностей; его нагрузка должна постепенно возрастать, никогда не превосходя предел, но предел этот по мере прогресса в учебе постоянно повышается, а значит и нагрузка должна закономерно возрастать. Будучи погружен в изучение различных предметов, ребенок, таким образом, воспринимает свое занятие как серьезное дело. Уже только сознание этого повышает его значимость в собственных глазах. А успехи в учебе еще более поднимают самооценку. И если при этом давать ребенку или подростку понять, что его прогресс велик, но полученные знания и умения в сравнении с тем, чего он еще не знает, весьма скромны, у него не появится чувства превосходства над менее успешными сверстниками. Напротив, у ребенка возникнет желание постичь и всё то, что ему пока неизвестно. Он, как замечал Ушинский, уже будет скучать без интеллектуального труда, искать и находить его. Это главное, что должна привить школа, а технологии и устройства, обращающие учебу в игру, будут не способствовать, а тормозить интеллектуальное развитие молодого человека.

Вновь многое из сказанного выше может показаться читателю утопией или идеализацией процесса обучения. В данный момент это так. Но мы должны стремиться именно к такой школьной педагогике.